

Отчетъ о поѣздкѣ въ Кульджинскій районъ Ф. В. Муромскаго въ 1907—1908 г. г.

11—24 июня 1907 года я выѣхалъ изъ С.-Петербурга и ровно черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ въ Кульджу. Такъ какъ въ нашемъ Консульствѣ было уже получено разрѣшеніе на въѣздъ и жительство въ поселеніяхъ сибинцевъ и солоновъ, то 31 іюля — 13 августа я отправился въ китайскій городъ Алимту, гдѣ въ настоящее время живутъ оцкорь-солоны и дахуры. Здѣсь я намѣревался пробыть до наступленія холодовъ, съ тѣмъ чтобы зиму провести въ Кульджѣ и посвятить занятіямъ сибинскимъ діалектомъ.

Въ Алимту солонскимъ ухэридою мнѣ былъ отведенъ домъ занимаемый канцеляріей и прикомандированъ въ качествѣ учителя оцкорь-соловъ Кадунъ. Въ половинѣ сентября начались дожди и холода, сдѣлавшіе дальнѣйшее пребываніе въ Алимту совершенно невозможнымъ, и я вернулся въ Кульджу 16—29 сентября.

При просмотрѣ зимою въ Кульджѣ сдѣланныхъ записей выяснилась необходимость вторичной поѣздки въ Алимту. Поэтому съ наступленіемъ весны я снова отправился туда и занимался съ оцкорь-солономъ по имени Хайдуца. Лѣтомъ продолжалъ запись лингвистическаго матеріала въ Кульджѣ. Наконецъ, сдѣлавъ маленькую экскурсію къ зарѣчнымъ сибинцамъ, въ половинѣ августа 1908 года выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Въ настоящее время тунгусскія народности въ Кульджинскомъ районѣ представляютъ четыре племенныхъ группы: манджуры, сибинцы, оцкоры и, быть можетъ, дахуры.

Манджуры живутъ въ Новомъ городѣ (Синь-чэн или Хуй-юань-чэн) и дѣлятся на старыхъ (фэ манцу) и новыхъ манджуръ (ичэ манцу). Старые пришли съ войсками еще въ XVIII ст. для усмиренія Джунгаріи, новые же образованы въ 17 году правленія Гуан-суй (въ 1891 г.) изъ сибинцевъ, живущихъ къ югу отъ рѣки Или. Старые манджуры окитаились и позабыли манджурскій языкъ, новые говорятъ по сибински. Такимъ образомъ въ лингвистическомъ отношеніи существуютъ только три группы — сибинская, оцкорская и дахурская.

Общія свѣдѣнія о *сибинцахъ* и ихъ языкѣ мною были собраны во время поѣздки 1906 г. и помѣщены въ № 7 «Извѣстій» Русск. Ком. Въ настоящую поѣздку я продолжалъ изучать сибиинскій разговорный языкъ, при чемъ записывалъ какъ отдѣльныя фразы, такъ и образцы народнаго творчества, главнымъ образомъ сказки; всего мною записано 32 сказки и 2 пѣсни, что составляетъ 243 стр. in — 4°.

Дахуры и *оңкору* были переведены для колонизаціи края и защиты границъ въ 28 г. правленія Цянь-лунъ (1763) и сначала поселились въ г. Баяндай, при чемъ оңкору, составившіе три роты, образовали правое крыло, а дахуры (также 3 роты) — лѣвое. Затѣмъ, по докладу Илійскаго дзян-дзюня Бу, было разрѣшено образовать изъ прежнихъ 6 ротъ — 8, сообразно 8-знаменной организаціи манджурскихъ войскъ, а именно четыре роты дахуровъ и четыре оңкоровъ съ соотвѣтствующими знаменами. Эти 8 ротъ въ официальной перепискѣ именуется солонскими. Вскорѣ солоны, т. е. оңкору и дахуры, были передвинуты на крайній западъ владѣній Дай-цинской династіи. Оңкору заняли при этомъ мѣста къ западу отъ р. Хоргоса, а именно: простое желтое знамя Чэдзи около ст. Аккентъ, простое красное — Чичиканъ между Аккентомъ и Джаркентомъ, красное съ каймой-Самалъ (Джаркентъ) и синее съ каймой-Тургэнъ между Джаркентомъ и Борохудзиромъ. Дахуры поселились къ востоку отъ р. Хоргоса: желтое съ каймой знамя — къ югу отъ китайскаго Хоргоса или Чэн-пань-цзы, простое синее — Фусэку, простое бѣлое — Алимту (это Алимту находилось въ пяти верстахъ отъ китайскаго Хоргоса и было разрушено во время дунганскаго возстанія) и бѣлое съ каймой — Кэ, къ западу отъ Алимту. Въ концѣ правленія Дзя-цинъ и въ началѣ правленія Дао-гуанъ число оңкоровъ, вслѣдствіе главнымъ образомъ столкновеній съ киргизами, сильно уменьшилось, такъ что для пополненія убыли потребовалось троекратное переселеніе зарѣчныхъ сибиинцевъ въ роты оңкоръ-слоновъ. Въ первый разъ было выселено 600 человекъ, во второй также 600, а въ третій разъ ушло много родственниковъ переселенныхъ прежде; всѣ переселенные также стали называться въ официальной перепискѣ солонями. Въ правленіе Сянь-фынъ была выстроена стѣна въ селеніи Тургэнъ (самомъ западномъ селеніи, вѣроятно, наиболѣе страдавшемъ отъ нападений киргизовъ); въ остальныхъ 7 ротахъ стѣнъ не было. Во время дунгано-таранчин-

скаго возстанія оңкору и дахуры участвовали въ бояхъ противъ дунганъ и таранчей. Но послѣ паденія городовъ Суй-динъ и Хуй-юань-чэнъ дахуры бѣжали сначала въ роты оңкоровъ. При дальнѣйшемъ наступленіи дунганъ оңкору изъ сумуновъ Чэдзи и Самала были посредствомъ обмана частью перебиты, частью захвачены въ плѣнъ; оңкору же Чичикана и Тургэна бѣжали въ Борохудзиръ, гдѣ находился русскій гарнизонъ. Часть ихъ осталась въ Борохудзирѣ и съ русскими войсками вернулась обратно, большинство же черезъ русскіе предѣлы ушло въ Тарбагатай. Послѣ занятія Илійскаго края русскими войсками плѣнные оңкору были, по требованію русскихъ, возвращены таранчами и, соединившись съ оңкорами, пришедшими вмѣстѣ съ русскими, образовали поселки около Чэдзи и Самала. Послѣ передачи Кульджи Китаю оңкору были поселены на нынѣшнемъ ихъ мѣстѣ жительства, а именно въ Алимту (таранч.-Алмату); въ 9 году къ нимъ были присоединены переведенные дзян-дзюнемъ Дзин'омъ изъ Тарбагатая 200 человекъ. Тѣмъ же дзян-дзюнемъ была сдѣлана новая разверстка по знаменамъ всѣмъ жителямъ г. Алимту и образовано снова 8 знаменъ, при чемъ оңкору попали въ разныя знамена. Въ 20 году Гуан-ской была выстроена кругомъ селенія стѣна, и городъ Алимту получилъ свой настоящій видъ. Однако названіе «Алимту» ни самими жителями ни въ китайской официальной перепискѣ не употребляется. Жители называютъ его «нашъ аймакъ» (мусей аіман); въ официальной же перепискѣ — солонскій лагерь (солон і куаран).

Главный контингентъ населенія этого городка составляютъ зарѣчные сибинцы, переведенные въ разное время для пополненія вымиравшихъ оңкоръ-солонувъ; изъ 2000 жителей Алимту почти 90% — сибинцы. Второе мѣсто занимаютъ дахуры около 200 человекъ и, наконецъ, оңкору — 30. Однако цифры эти нельзя считать точными, вслѣдствіе существованія смѣшанныхъ семействъ, гдѣ, напримѣръ, мужъ-сибинецъ, а жена-дахурка или оңкорка и наоборотъ.

При вѣздѣ въ Алимту поражаетъ крайняя бѣдность его обитателей. Стѣны и ворота отдѣльныхъ домовъ находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Во многихъ домахъ ворота замѣнены просто слугой, положенной поверхъ полуразрушившейся стѣны. Въ большинствѣ домовъ полное отсутствіе надворныхъ построекъ. Неприглядны и самые дома, состоящіе въ большинствѣ случаевъ только изъ двухъ комнатъ,

отдѣленныхъ одна отъ другой перегородкой съ широкимъ входомъ по срединѣ. Одна изъ комнатъ служить кухней, другая и пріемной и столовой и спальней. Грязь въ обѣихъ комнатахъ одинакова. У болѣе богатыхъ хозяевъ полъ въ домахъ каменный, у бѣдныхъ земляной. На канахъ въ большинствѣ домовъ лежитъ только циновка, въ рѣдкихъ случаяхъ — войлокъ и еще рѣже — дешевые ковры.

По обычаямъ жители г. Алимту не отличаются отъ зарѣчныхъ сибирцевъ. Правда, вынужденная жизнь въ русскихъ предѣлахъ во время дунгано-таранчинскаго возстанія дала имъ поверхностное знакомство съ русской культурой. Но оно не отразилось на образѣ жизни общей массы. Только у зажиточныхъ хозяевъ есть самовары, часы, эмалированная посуда, зеркало съ музыкой...

Обращаетъ особое вниманіе развитіе опиумокурения. Курятъ не только мужчины, но и женщины и дѣти. Самъ ухэрида также курить опиумъ и, конечно, не можетъ оказать никакого сдерживающаго вліянія на своихъ подчиненныхъ. Опиумъ не только курятъ, но и ѣдятъ, запивая чаемъ. По словамъ самихъ солоновъ, потребляютъ опиумъ 80—90% населенія. Опиумъ употребляется въ качествѣ лекарства почти отъ всѣхъ болѣзней. Цѣна опиума очень высока, весной и лѣтомъ доходитъ до 5 рублей и выше за фунтъ.

Солоны подчинены Илійскому дзян-дзюню, съ которымъ ихъ непосредственный начальникъ-ухэрида сносится черезъ особаго солонскаго мэйень-амбаня, живущаго при дзян-дзюнѣ.

Въ Алимту находится одна кумирня, посвященная Гуань-ди. По религіи солоны — конфуціане. При численіи времени пользуются китайскимъ календаремъ, присылаемымъ изъ Пекина.

Обращаясь къ языкамъ Алимтинскихъ жителей, необходимо отмѣтить, что основнымъ и официальнымъ языкомъ является сибирскій. Письменные же сношенія ведутся на древнемъ манджурскомъ языкѣ.

На оңкорскомъ языкѣ говорятъ только немногочисленные оставшіеся въ живыхъ оңкоры (около 30 душъ); ни сибирцы ни дахуры его не понимаютъ. Оңкоры, будучи силой необходимости принуждены говорить на другихъ языкахъ, перенесли изъ нихъ много словъ и въ свой говоръ. Главныя заимствованія сдѣланы изъ сибирскаго и китайскаго языковъ. При всемъ этомъ основа языка тунгусская, сближающая ихъ съ сибирскими тунгусами. Подобно этимъ послѣднимъ

они называютъ себя аѡеңкі. Оңкорскій языкъ, такъ же какъ и другія тунгусскія нарѣчія, имѣеть спряженія не только по наклоненіямъ и временамъ, но числамъ и лицамъ.

Въ виду особенной трудности оңкорскаго языка все время моихъ занятій ушло на запись и провѣрку лексическаго матеріала, выясненіе фонетическаго состава, грамматическихъ формъ. Мною записано болѣе 2000 оңкорскихъ словъ, 3 сказки и нѣсколько сентенцій. Не могу не отмѣтить совершеннаго упадка народной оңкорской литературы и вытѣсненіе ея сибинской. Даже самый языкъ забывается. Пройдетъ немного лѣтъ, и объ оңкорскомъ языкѣ въ Илійскомъ краѣ останется одно воспоминаніе.

Нѣсколько болѣе широкое распространеніе въ Кульджинскомъ краѣ имѣеть дахурскій языкъ. На немъ, кромѣ чистыхъ дахуровъ (дахур), говорятъ еще всѣ оңкоры и многіе сибинцы. Онъ однако представляетъ собою скорѣе не тунгусское нарѣчіе, а одно изъ многочисленныхъ нарѣчій монгольскаго языка, лишь съ извѣстною примѣсью тунгусскаго элемента. Лексическій строй рѣчи свидѣтельствуетъ объ этомъ почти съ полною очевидностью. Положеніе дахурскаго языка въ ряду другихъ монгольскихъ нарѣчій можно будетъ опредѣлить послѣ тщательнаго сравненія лингвистическаго матеріала. Въ частности, сравнивая его съ халхаскимъ діалектомъ можно отмѣтить, что вмѣсто халхаскихъ «ц» и «з» мы здѣсь имѣемъ «ч» и «ц», вмѣсто долгихъ гласныхъ иногда двугласныя, напр. «час» — снѣг, «цалу» — молодой, «аул» — гора. По дахурскому языку я записалъ около 2000 словъ, 2 сказки и 5 пѣсень. Записано также много грамматическаго матеріала.

Выполненію возложеннаго на меня Русскимъ Комитетомъ порученія много содѣйствовали нашъ консуль въ г. Кульджѣ С. А. Федоровъ и временно управлявшій консульствомъ А. И. Кухновъ. Драгоманъ консульства Вл. Н. Лавдовскій часто помогаль при опредѣленіи запмствованныхъ китайскихъ словъ. Означеннымъ лицамъ приношу мою глубокую и искреннюю благодарность.